

"ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ", 1959 г., том 2.

Порочность метода исправления книг.

Если Никон посягнул на исправление даже самых общеупотребительных обрядов по греческому образцу, то тем более без всяких колебаний это копирование современной греческой буквы богослужебных книг было принято при нем, как самоочевидный критерий книжной sprawy с прямой и вдохновенной мечтой генерального огречения. Между тем, москвичи греческим книгам не верили, по словам самих же греков. В этих книгах была латинская порча. В этом смысле попутное заявление сделал в 1645 г. приезжавший от КПльского патриарха в Москву митрополит Палеопатрасский Феофан с ходатайством начать в Москве печатание и греческих книг и церковно-славянских, заново переводя их с греческого "прямо, подлинно и благочестиво." Мотив предприятия - это спасение чистоты и греческого оригинала и возможной порчи славянских текстов, ибо часть новопечатных греческих книг в значительной мере портится, как папистами, так и лютеранами, заведшими у себя, даже в самом КПле, греческие типографии. Для русских книжников это не было новостью. Мы уже видели, как в споре с Лаврентием Зизанием московские справщики игумен Илия и Григорий Онисимов повторяли: "новых переводов (этим термином обозначалось просто новое издание, копирование) греческого языка и всяких книг не приемлем." А между тем, справщикам дана безоговорочная инструкция править по фактическому печатному греческому тексту. Да они вместе со всей Москвой все равно оказывались беспомощными методически разобраться в хаосе разногласий и разновременных и одновременных рукописей. Упрощенно клался в основу новопечатный греческий текст. А так как этот текст нередко совпадал и с нашими древними рукописями, то это производило впечатление на наших неученых справщиков и отчасти успокаивало их совесть. Никон всех этих умственных и моральных затруднений не переживал и не понимал, а потому и "пер против рожна."

Так как эта научная слепота произвела несчастный раскол, а дальнейшая двухсотлетняя полемика с старообрядцами шла по тому же ложному пути, то в этом пункте историк обязан пролить полный свет.

Самим вождям раскола факт не критического покорного следования новогреческому печатному тексту был хорошо известен. В челобитной к царю дьякон Федор пишет: "а нынешние книги, что посылал покупать Никон патриарх в Грецию, с которых ныне zde переводят (копируют), словут греческие, а там печатают те книги под властью богоотступного папы римского в трех градах: в Риме, в Париже и в Венеции, греческим языком, но не по древнему благочестию. Того ради и zde нынешние переведенные со старыми несогласны, государь, и велия смута." Тот же Федор в другом случае пишет: "те прокаженные книги латиногреческие (!) печатные Никон посылал покупать на

Востоке и купил их на многие тысячи серебра. Сам ныне сказа всем во время отречения престола и патриаршества своего, и числом сказа, но аз забых то. И с тех новогреческих печатных книг печатал он на Москве новые нынешние книги; потому они и несогласны со старыми нашими. Арсений Грек, враг Божий, научил его - Никона покупать те книги еретические. Он переводил их на наш язык словенский, и тем они разврат велий сотворили по всей земли русской по всем церквам." Протопоп Никита Добрынин, прозванный Пустосвятом, утверждает, что в Никоновских изданиях "все таинственные в миропомазании приглашения нарушены злым еретическим вымыслом, последуя отпадшие веры римскому неправославному крещению. А печатано с книг, иже гречские словут, а печатают их рстленно в трех латинских градах: в Риме и в Париже и в Венеции."

Что общий прием копирования новогреческих книг ничуть не преувеличен расколоучителями, это подтверждает и свидетельство одного из книжных справщиков следующего столетия (с 1679-89 гг.), Сильвестра Медведева, человека новой латинской школы. Сильвестр, сам зараженный новыми латино-схоластическими мнениями, в данном вопросе вполне солидарен с доморощенными ревнителями. В отличие от вождей раскола, он выгораживает Никона и метод греческой правки всецело сваливает на самих справщиков, да еще приписывает им какой-то злой умысел. "Коварнии человецы, прежде лестными своими словесы прельстиша святейшего Никона патриарха, начаша самую ему правду о исправлении книг предлагати, а делом самым ино помышляти. И, егда оных человек та хитрость их не познася, оставивше они греческие и славенские древние самые книги, начаша правити с новпечатных у немец греческих книг. В сем предисловии книги Служебника пишут они, еже ону с древними греческими и словенскими рукописьменными достоверно исправивша и во всем согласиша. И народ православный увещают, во еже бы оный той книге, яко достоверной, верили и ни в чесом не усомневались зане справлена с греческих рукописьменных и словенских книг. А та книга Служебник правлена не с древних греческих рукописьменных и словенских: но снова с у немец печатной греческой бессвидетельственной книги, у нее же и начала несть и где напечатано неведомо. И егда по малых летех по указу великого государя ради достоверного книжного свидетельства и справки был на печатном дворе справщик из Афонские горы, архимандрит Дионисий, иже обита в сем царствующем граде Москве, в Николаевском греческом монастыре, и той, ону у немец печатную книгу Служебник рассматривая, на страницах подписал своею рукою на обличение тоя неправые книги словеса бранные, зде писати неприличные. А та книга и ныне обретается в книгохранительнице на Печатном Дворе." Медведев обобщает так: "все поведают, что книги правлены с древних греческих и словенских харатейных рукописных книг, а ни одна книга новоисправленная, яко Служебник и иные, с древними греческими рукописьменными и с древними же словенскими харатейными книгами может обрестися во всем согласна. Но всякая имать, яко древних греческих рукописных и славянских харатейных, тако и то славянских печатных и от киевских, и с новопечатными у немец греческими же книгами, разгласна. А еже

далее правят, то вящше пременения по своим прихотям творят и тем православный народ смущают."

Греческий Евхологий венецианского издания, с которого правили при Никоне Служебник, и сейчас хранится в Московской Синодальной библиотеке.

Но и такое упрощенное представление о Никоновых исправлениях тоже неточно. Если бы правили только по печатному греческому тексту, то не было бы разниц между шестью изданиями Служебника при Никоне. И это даже ставилось в вину Никону не со стороны старообрядцев. Его упрекали от имени царя и князь Одоевский и Паисий Лигарид: "для чего ввел в мир великий соблазн:- выдал три Служебника и во всех рознь и в церквах от того несогласие большое."

Из печатных предисловий и разъяснений самих справщиков выясняется, что они переводили сначала печатный греческий текст, как основную первую редакцию, но затем они добросовестно сопоставляли ее со многими древними греческими и славянскими рукописными списками и брали из них что им казалось правильным по их чутью и разумению. Рукописный материал привлекался не весь, а частично. Поэтому при каждом новом переиздании привлекалась к сравнению новая группа древних текстов. И каждый раз получались и новые впечатления и новые варианты. Единый руководящий принцип так и не был найден. Его не нашла русская церковная власть и после Никона и после осуждения старообрядцев собором 1667 г. Этот собор, одобряя Служебник к печати в том же году, просто пресекает дальнейшие исправления, не зная, где найти им конец: "и никто же да не дерзнет отныне во священнодействие прибавити что, или отъяти или изменить. Аще и ангел будет глаголати что ино, да не имате ему веры." До сих пор дозволялось справщикам выбирать бесчисленные варианты по их домыслу, а теперь это запрещено даже ангелам. Это расписка в научном бессилии. И все-таки при всей методической бестолковости книжных исправлений и до Никона и при Никоне, главный соблазн произошел от употребления новогреческих печатных книг и от участия в этом деле такого опороченного по латинству иноземца, как Арсений Грек.

Понимал ли это сам Никон? Приходится отвечать на этот вопрос отрицательно. Никон совсем не считал новогреческие книги безошибочными. По свидетельству Шушерина (своего иподиакона и биографа), Никон вместе с царем убеждены были, что "древние греческие книги с древними же славянскими во всем согласны. А в новых греческих печатных книгах с греческими же и славянскими многая несогласия и погрешения." Именно за древними книгами он с убеждением посылал во второй раз на Восток Арсения Суханова. И Никон был убежден, что теперешние исправления последовательно всюду поправляют новогреческие тексты по древним греческим и славянским." Так он убежденно говорил в 1665 г., что употребляемые им в его Воскресенском Новоиерусалимском монастыре "Служебник" и "Требник" и прочие святые книги справлены со старых с греческих святых книг." Собор, договариваясь в тот момент с Никоном об условиях его жизни при предполагаемом новом

патриархе, ставил ему условием, чтобы, ценя свои прежние книги, якобы последовательно исправленные с древних греческих, Никон не отказывался бы принимать и новые книги, которые будут исправлены просто с греческих, т. е. "новогреческих" книг: "Аще что впредь, за повелением великого государя и за благословением святейшего патриарха московского и всего священного собора с греческих книг исправится, и ему святейшему патр. Никону и те книги принимати и по ним славословие и чины церковные исправляти." Предполагалось, следовательно, что Никон мог и не принимать книг, исправленных не по его идеалу. Значит, представление старообрядцев о новаторском идеале Никона далеко неточно. Идеал Никона был по существу ближе к сердцу старообрядцев. Ему нужно было равенство по греческому обряду ради превознесения 5-го по счету престола патриарха русского над всеми остальными греческими. И потому на первом месте в его мечте стояло единство видимого обряда, а не малоизвестного народной массе текста богослужебных книг. Горячо интересуясь в этих целях исправлениями обрядов, Никон по незнанию греческого языка, чувствовал себя беспомощным, слепым и довольно равнодушным к книжному тексту. Примирившись с И. Нероновым, Никон о книгах сказал ему: "обои де добры (и старопечатные и новопечатные), все де равно, по каким хочешь, по тем и служишь." Затем, сам троя аллилуйя, позволял Неронову (тогда уже старцу Григорию) двоить аллилуйя в самом Успенском соборе.

К концу своей патриаршей деятельности после первых годов кипения и борьбы, Никон, как человек здравого ума, по-видимому почувствовал, что в этом пункте его программы об исправлении текста богослужебных чинов нет той безусловной важности, какую он предполагал вначале. И то, что Никон, уйдя с кафедры, продолжал страстно интересоваться многим, в частности, правами своего патриаршего звания, но даже ни разу не вспомнил о книжных исправлениях, доказывает, что и в действительности он изменил свои взгляды по этому вопросу. Он видел, что из-за текста книг идет не смута только, но образуется даже и раскол и тем не менее в многочисленных своих письмах он ни одним словом не обмолвился о книжной справе, как будто она не связана с его именем. Мало того, молчаливо признавая свою тактическую ошибку в этом деле, Никон, по-видимому, приходил даже к мысли оставить в покое старые книги. Диякон Федор свидетельствует: "Никон, по многом обличении от многих отец, позна свое блужение в вере и отрекся патриаршества своего в соборной церкви пред народом; и отыде в монастырь свой и посемь в Валдае в Иверском монастыре завел свою друкарню. Тут же и населившиеся иноды Киево-Печерскаго монастыря. И повелел им тут печатать Часовники по старому уставу и обычаю. И те Часовники его видех аз, по его благословию печатные тамо мелкими словами в четверть листа. В них же уже: "и в Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго. И прочая вся в них по старому слово в слово." Там же перепечатаны по-старому Псалтырь, Молитвенник и Каноник.

По-видимому, пылкий Никон, по мере того как его авторитеты-греки обращались в деле его с царем Алексеем в его врагов, сам охладевал к греческим образцам. Даже и в обрядах, тем более в не столь интересовавшем

его тексте книг. В 1667 г. на суде над ним, Никон уже прямо заявляет о своем отрицательном отношении к новым греческим книгам: "Греческие правила - не прямые. Их патриархи от себя писали, а печатали их еретики." Итак, Никон сошелся во взглядах на греков со своими противниками, москвичами-старообрядцами. Начав за здравие, кончил за упокой! А какое зло было уже порождено им! Раскол уже родился, и вернуть его в небытие, остановить, ни у кого не нашлось силы и искусства.